

Игорь ЛАРСКИЙ

г. Ростов-на-Дону

Последняя дуэль Пушкина

Исследование по литературным источникам

К 185-летию со дня смерти А.С.Пушкина

1. Предыстория дуэли

Жорж Дантес стал ухаживать за женой Пушкина – Натальей Николаевной.

Геккерен – приемный отец Дантеса – ревновал его к Н.Н., но не имел никакой возможности запретить Дантесу эти ухаживания. Объяснялось это тем, что одним из негласных условий службы Дантеса в Кавалергардском полку (для иностранца недопустимо близко к царскому двору) было сотрудничество Дантеса с начальником Третьего отделения жандармерии А. Х. Бенкендорфом.

Ценность Дантеса как своего агента для Бенкендорфа была двойкой: и как близкого человека к голландскому посланнику Геккерену, и как источнику информации о политических настроениях личного состава Кавалергардского полка. Кроме того, привлекательная внешность и развязные манеры поведения Дантеса располагали к использованию его для выполнения и других поручений деликатного свойства. Так, в рамках сотрудничества Дантеса с Третьим отделением жандармерии ему было поручено флиртование с Н.Н.Пушкиной с целью отвода подозрений общества от личности царя, также увлеченного женой Пушкина. Такое,

можно сказать, романтическое задание очень импонировало Дантесу, и он бросился выполнять его с необузданным рвением.

Что же касается военной службы Дантеса в полку, то она для него не была на первом месте. Об этом свидетельствуют его 43 нарушения воинской дисциплины, допущенные им за три года службы.

Откровенное, бесцеремонное, назойливое, а порой демонстративное ухаживание Дантеса за Н.Н. раздражало Пушкина с самого начала, а потом стало просто бесить. Он не мог скрыть этого от окружающих и тем самым подогревал «аппетиты» своих недоброжелателей в стремлении покуражиться над ним.

Задиристый характер Пушкина нарушал спокойствие известных персон и одновременно возбуждал зависть других к обладателю очень красивой жены, по их мнению, слишком яркой для столь невзрачного человека. И вот завязалась невидимая для непосвященных игра. Азарт участников все возрастал и требовал ярких, нетривиальных ходов. Так родился диплом рононца, и недоброжелатели стали рассылать его знакомым Пушкина с анонимными письмами оскорбительного характера для семьи Пушкина.

210 *Игорь Ларский*

4 ноября (1836 г.) такие пасквили получил и сам Пушкин, также с дипломом.

Вот точный текст диплома:

«Кавалеры первой степени, командоры и кавалеры светлейшего ордена рогоносцев собрались в Великом Капитуле под председательством достопочтенного великого магистра ордена, его превосходительства Д. Л. Нарышкина и единогласно избрали г-на Александра Пушкина коадьютором великого магистра ордена рогоносцев и историографом ордена. Непременный секретарь граф И. Борх»

Пушкин был твердо уверен, что автором этих писем был посол короля Голландии при российском дворе Геккерен. Целью этой акции, как считал Пушкин, вызвать у него гнев против его жены Н.Н., который приведет, по расчетам Геккерена, к строгому запрету на контакты Н.Н. с Дантесом.

На другой день после получения анонимки, то есть 5 ноября, Пушкин отправил вызов Дантесу по адресу, где проживал его приемный отец барон Геккерен. Поскольку Дантес в это время находился на службе, то вызов был вручен его отцу.

Вызов Пушкина застал барона врасплох. Он был потрясен и обескуражен. В тот же день Геккерен отправился к Пушкину и заявил, что он принимает вызов за своего сына, и просил отсрочки окончательного решения на 24 часа в надежде, что Пушкин остынет и переменит свое решение.

6 ноября (то есть спустя сутки) барон снова был у Пушкина и нашел его непоколебимым.

«Чтобы подготовиться ко всему, могущему случиться», Геккерен просил новой отсрочки на неделю. Пушкин, не вдаваясь в подробности этих «приготовлений», дает отсрочку не на неделю, а на две.

Возникает вопрос. К чему нужно готовиться Геккерену и Дантесу, получив вызов на дуэль? Навестить родных, близких, друзей, приятелей? Раздать долги? Попрошиться на всякий трагический случай? Упаковать вещи? Конечно же, не для этого. Так зачем же Геккерену понадобилась отсрочка? Да затем, что курьеру, отправленному за пределы России со специальным заданием приобрести там защитный панцирь для Дантеса и вернуться, как раз и нужна эта неделя.

В течение двух недель, вплоть до истечения отсрочки (20 ноября), Дантес ничем не обнаруживал своего участия в обсуждении предстоящего поединка. На арене событий «маячили» различные фигуры, кроме него самого. Надо полагать, что объясняется это тем, что он еще не имел ука-

заний от Бенкендорфа, как ему поступать. А вероятнее всего, он надеялся, что Бенкендорф сам найдет выход из этой ситуации, раз сам «заварил эту кашу». И тот нашел его: Дантесу было предложено жениться на свояченице Пушкина Катерине – сестре Н.Н. Став, таким образом, родственником Пушкина, он подружится с его семьей и конфликт, возникший между ними, будет ликвидирован. Родня должна ладить между собой.

13 ноября во время свидания Пушкина с Геккереном у Загряжской (тетка сестер Гончаровых, фрейлина) (по ее инициативе), после сообщения Пушкину о предполагаемой свадьбе Дантеса и Катерины Гончаровой, Пушкин согласился взять свой вызов обратно, чтобы не омрачать торжество.

Окрыленный надеждой уладить конфликт посредством женитьбы, Дантес выходит из тени и заявляет о себе. Теперь, когда обнадеживающий защитный панцирь на случай дуэли уже дома, при мерен и подогнан по фигуре, можно опять куражиться над Пушкиным. И Дантес требует от Пушкина объяснений причин его действий по аннулированию вызова Дантеса на дуэль. Это приводит Пушкина в ярость, и с этого момента мысль о неизбежности дуэли не выходит у Пушкина из головы.

В довершение ко всему, Пушкину опять присылают письмо, которым ему сообщают о состоявшемся накануне свидании Н.Н. с Дантесом наедине в квартире Идалии Полетики, недоброжелательницы Пушкина. Ситуация усугублялась тем, что Н.Н. скрывает от мужа это событие, хотя прежде всегда рассказывала Пушкину об уходе за Дантесом за ней. После этого Пушкин решил – быть поединку, и 26 января (1837 г.) отправил барону Геккерену письмо уничижающего содержания с оскорблениями, которых бароны вынести уже не могли, и в тот же день они направили Пушкину вызов. Этот вызов от лица Дантеса по поручению Геккерена-старшего передал Пушкину виконт Д'Аршиак. Пушкин вызов принял. Дуэль назначили на 27 января.

2. Условия дуэли

Для выработки условий дуэли состоялась встреча Пушкина и обоих секунданта.

От Пушкина – Данзас.

От Дантеса – Д'Аршиак.

Пушкин представил их друг другу и удалился. Записанные на бумаге условия дуэли секунданта по одному экземпляру взяли себе.

Вот текст условий в русском переводе:

«1. Противники становятся на расстоянии двадцати шагов друг от друга и пяти шагов (для каждого) от барьеров, расстояние между которыми равняется десяти шагам.

2. Вооруженные пистолетами противники по данному знаку, идя один на другого, но ни в коем случае не переступая барьера, могут стрелять.

3. Сверх того, принимается, что после выстрела противникам не дозволяется менять место, для того чтобы выстреливший первым огню своего противника подвергся на том же самом расстоянии.

4. Когда обе стороны сделают по выстрелу, то, в случае безрезультатности, поединок возобновляется как бы в первый раз: противники становятся на том же расстоянии в 20 шагов, сохраняются те же барьеры и те же правила.

5. Секунданты являются непременно посредниками во всяком объяснении между противниками на месте боя.

6. Секунданты, нижеподписавшиеся и облеченные всеми полномочиями, обеспечивают, каждый за свою сторону, своей честью строгое соблюдение изложенных здесь условий».

**Константин Данзас,
инженер – подполковник.**

**Виконт Д'Аршиак,
атташе французского посольства**

Время поединка – пятый час дня; место – за Комendantской дачей (пригород Санкт-Петербурга).

3. Дуэль

«На место встречи мы прибыли в половине пятого. Дул очень сильный ветер, что заставило нас искать убежища в маленькой сосновой роще. Так как большое количество снега могло стеснять противника, пришлось протоптать тропинку в двадцать шагов».

*Виконт Д'Аршиак – кн. П.А Вяземскому,
1 февраля 1837 г.*

В. Вересаев, т.3, стр.221.

«Отмерив шаги, Данзас и Д'Аршиак отметили барьер своими шинелями и начали заряжать пистолеты».

В. Вересаев, т.3, стр.222.

«Противников поставили, подали им пистолеты, и по сигналу, который сделал Данзас, махнув шляпой, они начали сходитьсь».

Пушкин первый подошел к барьеру и, остановившись, начал наводить пистолет. Но в это время Дантес, не дойдя до барьера одного шага, выстрелил».

(А. Амосов, 23.)

В. Вересаев, т.3, стр.222.

«Г. Пушкин упал на шинель, служившую барьером, и остался неподвижным, лицом к земле».

(Виконт Д'Аршиак – кн. П.А Вяземскому)

В. Вересаев, т.3, стр.222.

«Пушкин был ранен в правую сторону живота, пуля, раздробив кость верхней части ноги у соединения с тазом, глубоко вошла в живот и там остановилась».

(А. Амосов, 23.)

В. Вересаев, т.3, стр.224.

«После слов Пушкина, что он хочет стрелять, Геккерен возвратился на свое место, став боком и прикрыв грудь свою правой рукой».

*(К.К. Данзас – кн. П.А Вяземскому,
6 февраля 1837 г.)*

В. Вересаев, т.3, стр.223.

«Полулежа Пушкин целился в Дантеса в продолжении двух минут и выстрелил так метко, что если бы Дантес не держал руку поднятой, то непременно был бы убит; пуля пробила руку и ударила в одну из металлических пуговиц мундира, причем все же продавала Дантесу два ребра».

(А.А. Шербинин)

В. Вересаев, т.3, стр.223.

Бесценное описание эпизода дуэли. Во-первых, оно дает нам представление того, как вел себя в этот момент Пушкин. Во-вторых, мы встречаем здесь редкую по своей несуразности нелепость про металлическую пуговицу, якобы спасшую жизнь Дантесу.

Создается впечатление, что она была пришита где-то на боковой стороне мундира (с неясным назначением) и, так как Дантес стоял боком к противнику, оказалась на пути пули, выпущенной Пушкиным из пистолета.

«Геккерен упал, но его сбила не только сильная контузия; пуля пробила мясистые части правой руки, коею он закрывал себе грудь».

(В.А. Жуковский – С.Л. Пушкину)

В. Вересаев, т.3, стр.223.

Обратимся к Словарю русского языка С.И. Ожегова, где толкуется понятие контузия, и читаем:

«Контузия – ушиб или травма организма без повреждения наружных покровов тела».

Дуэль завершилась. Участники зловещего мероприятия покидают это неприветливое, а теперь уже и трагическое место.

«Общими силами усадив Пушкина в сани, Данзас приказал извозчику ехать шагом, а сам пошел пешком подле саней».

(А. Амосов, 23.)

В. Вересаев, т.3, стр.224.

«Г. барон Геккерен смог, поддерживаемый мною, дойти до своих саней, и там он ждал, пока

противника его не перенесли, и я мог сопроводить его в Петербург».

*(Виконт Д'Аршиак – кн. П.А Вяземскому)
В. Вересаев, т.3, стр.225.*

Теперь, уважаемый читатель, я предлагаю вернуться к описанию повреждений, полученных Дантесом в поединке, приведенных В.А. Жуковским, и вдумаясь в фразу «не только контузия». Не правда ли, она звучит странно? Да, но только для недогадливого. А для мыслящего человека, мыслящего критически, понятно, что для контузии необходимо было сильное динамическое внешнее воздействие. И оно было. Это пуля, выпущенная Пушкиным из пистолета. Она ударила в панцирь. Его саркастически и даже с издевкой назвали «металлической пуговицей».

По поводу металлической пуговицы у меня возникла и такая версия: в светских кругах «металлическая пуговица» – это конспиративное название защитного панциря, используемого инкогнито в дуэльных поединках.

4. Разбор поединка

Обращает на себя внимание фраза виконта Д'Аршиака, приведенная в его письме князю П.А. Вяземскому: «Г. барон Геккерен смог, поддерживаемый мною, дойти до своих саней...»

Почему Геккерену (Дантесу) нужна была посторонняя помощь, чтобы добраться до своих саней? Не из-за ранения же в руку? Нет, конечно. А из-за сильной боли в правом боку, испытываемой им при каждом шаге. Это следствие той самой контузии.

Теперь вернемся несколько назад и вспомним. После выстрела Дантеса Пушкин упал. Как потом оказалось, пуля попала в нижнюю часть живота, раздробив крестцовую кость, и мгновенно вывела из строя левую ногу. Это привело к падению Пушкина на землю.

После выстрела Пушкина Дантес тоже упал. У него оказалась простреленной мякоть руки «на четыре поперечных перста ниже локтевого сустава». Разве это причина для падения его на землю? Никак нет. Так что же тогда свалило Дантеса? Как указано у Вересаева, «Геккерен упал, но его сбила с ног только сильная контузия».

О ранении руки Дантеса есть свидетельство судной комиссии, где сказано следующее:

«Поручик барон Геккерен имеет пулевую проникающую рану на правой руке ниже локтевого сустава на четыре поперечных перста; вход и выход пули в небольшом один от другого расстоянии. Обе раны находятся в сгибающихся персты мышцах, окружающих лучевую кость более к наружной сто-

роне. Раны простые, чистые, без повреждения костей и больших кровеносных сосудов... Больной может ходить по комнате, разговаривать свободно, ясно и удовлетворительно, руку носит на повязке и, кроме боли в раненом месте, жалуется также на боль в правой верхней части брюха, где вылетевшая пуля причинила контузию, каковая боль обнаруживается при глубоком вдыхании, хотя наружных знаков контузии незаметно».

*Штаб-лекарь Стефанович в рапорте
от 5 февр. 1837 г. Дуэль, 32.
В. Вересаев, т.3, стр.291.*

Логично предположить, что пуля, пробив мякоть руки Дантеса, не потеряв при этом всей кинетической энергии, тотчас наткнулась на серьезное препятствие. Это металлический защитный панцирь под мундиром Дантеса. Но не пробила его, а только деформировала боковую сторону, сделал в нем глубокому вмятину. При этом Дантес испытал сильную боль в правом боку, поскольку деформация панциря передалась на ребра. Это и было причиной падения Дантеса на линии огня. Не будь такой защиты, пуля проникла бы в грудную полость и, возможно, оказалась бы смертельной для Дантеса. Дантес же, готовясь к поединку, мог предположить, что Пушкин может быть защищенным таким же образом, и потому свой выстрел направил не в грудь противнику, а в беззащитную часть тела, то есть в низ живота.

Тогдашние эксперты, обследуя рану Дантеса и другие травмы тела, полученные им в результате дуэли, не могли не догадаться об использовании дуэлянтом защитного панциря, о чем, наверное, доложили, как положено в таких случаях. На что получили «рекомендацию» эту «щекотливую» информацию не разглашать и в документах не отражать как выходящую за рамки их компетенции.

Как бы ни было досадно, нужно признать, что Пушкин поединок проиграл, хоть и показал себя отличным стрелком. Им руководило единственное желание – наказать оскорбителя. Стремление Пушкина как можно скорее взяться за оружие лишило его возможности трезво оценивать ситуацию, а она складывалась не в его пользу. Жажда мести не оставляла места для других вариантов разрешения конфликта и даже для спокойного обсуждения с кем-либо принятого им решения. Пушкин спешил выйти из создавшегося положения, становящегося все более тягостным для него. Отсутствие поддержки в обществе его действий и ощущение осуждения этим обществом его поведения являлось усугубляющим фактором. Пушкин остался один на один со своей проблемой. Она тяготила его настолько, что даже «на поле брани» за какие-то минуты до поединка он проявлял нетерпеливость.

Он торопился закончить это дело. Оно тяготило его. И он не задумывался ни о собственной тактике боя, ни о тактике противника.

А что же Дантес? Там все наоборот. В ближнем окружении Дантеса и «на дальних подступах» тема дуэли обсуждалась широко и подробно. И, конечно, Дантесу со всех сторон (от его доброжелателей) поступали различные советы, относящиеся к тактике поединка. Дантесу было кого послушать и было из чего выбрать. Были среди них, надо полагать, и «дельные», и они ему помогли.

Оба дуэлянта в обращении с оружием не были новичками: Дантес в силу своего служебного положения, как военный человек. Пушкин в своей жизни много раз держал оружие в руках, любил стрелять из пистолета и даже озорничал, паля в мух, сидящих на стене.

Дуэлянты, имея хорошие навыки в стрельбе из пистолета, в ходе поединка целились в ту часть тела противника, которую и хотели поразить. И оба не промахнулись. Пушкин целился, как диктовала «классика», в область сердца, попав в него, жертва уходила из жизни мгновенно, минуя страдания. Дантес же целился в область паха, зная, что, достигнув цели, пуля не убьет сразу и ранение, причиненное ею, обязательно вызовет жуткие боли. Они будут в течение какого-то времени, пусть даже не очень продолжительного, но неизбежно приведут к смерти.

Можно допустить, что в этом выстреле содержался, ко всему прочему, и казарменно-издевательский умысел.

Если проследить траекторию полета пули, выпущенной Пушкиным из пистолета в Дантеса, и место поражения ею тела противника (сломаны два реб-

ра), то можно предположить, что линия прицеливания в момент выстрела проходила через сердце Дантеса и он неминуемо был бы убит, если бы не был защищен металлическим панцирем.

Пушкин поединок проиграл. Тактика, примененная им в поединке, отдавала некой консервативностью и простотой. Она не учитывала коварства и изощренности противника, склада его характера, склонного к авантюризму.

Был ли у Пушкина шанс на победу? Да, был. Вне всякого сомнения. Он заключался, во-первых, в опережении противника в своих действиях. А именно. Ему следовало произвести свой выстрел первым и до приближения к барьеру. А лучше бы тотчас после сигнала секунданта к сближению, поскольку большая дистанция в этом случае (15-20 шагов) по сравнению с выстрелом от барьера (10-15 шагов) на меткость опытного стрелка существенно не влияла: слишком мала дистанция и слишком велика мишень. Во-вторых, избрать для поражения иную часть тела противника вместо груди. Об этом Пушкину следовало подумать заранее. Но ярость, кипевшая в нем, не позволяла мыслить трезво и изобретательно. К нашему огорчению, им не была задействована главная способность поэта – оставаться творцом в любой ситуации и использовать этот потенциал в полной мере. И в итоге победила «военная» хитрость.

Дуэль – это не только показательный акт для общества, это еще и возможность осуществить публичное возмездие.

Пушкину удалась только первая часть этой акции.

□

Игорь Александрович ЛАРСКИЙ

1940–2022.

В 1965 г. окончил Ростовский институт народного хозяйства.

Много лет работал заведующим планово-производственным отделом

в научно-производственном объединении «Техоснастка»,

г. Ростов-на-Дону.

Был старшим научным сотрудником

Ростовского госуниверситета.

В журнале «Север» публикуется впервые.